

НЕЖНАЯ АГРЕССИЯ

ГЕЙШИ

Девочки и молодые женщины в нарядных шелковых кимоно с яркими поясами-оби толпились у жаровен и болтали в ожидании гостей. Шушукались, переливчато смеялись, лукаво приподнимая брови, резко очерченные на густо покрытых белилами лицах. Особенно выделялся мелодичный голосок Котоэ, изящной тоненькой ученицы с выразительными удлиненными глазами.

Как ни странно, многие родители охотно отдавали дочерей в школу гейш: считалось, что там девочки получают самое лучшее, разностороннее образование

○ нā вслух мечтала о сладких бобах из Вакамацу, говоря, что порции там больше, нежели в Тацутано. Как только это прозаическое замечание достигло ушей хозяйки чайного домика Коэйрё, она тотчас поспешила к девицам:

— Ну-ка, ну-ка, что я снова слышу?! Котоэ, ты опять говорила о еде? Уж не забыла ли ты правила? Тебе разве не известно, что подобные мысли и разговоры придают лицу обыденное, даже сонное выражение, а походка становится вялой и вульгарной? В таком виде уважающая себя гейша не может показываться гостям...

Прикусившая язык Котоэ сконфужен-

но поклонилась хозяйке и, пока та отчитывала ее, добросовестно старалась вообразить цветущую сакуру — ее созерцание, учил их мастер в школе, возвращает облику загадочность, мягкость и отрешенность, щекам — утраченный румянец, коже — притягательную бархатистость.

— Придется тебя сегодня наказать, — продолжала тем временем хозяйка. — Я

не разрешаю тебе участвовать в танцах, будешь занята только в обслуживании.

Произнеся приговор, Козэре легонько хлопнула Котоэ по лбу сложенным веером. Девушка огорченно опустила блестящую черную головку, пышно украшенную гирляндами цветов, — оставалось только повиноваться.

Сегодня вечером в старинном чайном домике знаменитого токийского «квартала цветов» Ямасиро-тё ждали важных гостей: готовилось большое представление, для чего и пригласили около пятидесяти гейш. Удалили перегородки, превратив три небольших зала в одно просторное помещение. Сквозь неплотно задвинутые сёдзи девушки видели, как гости чинно усаживаются. Нетрудно было заметить, что большинство мужчин — не японцы, а солидные европейцы в темных и серых костюмах.

Наконец раздвижные двери бесшумно разъехались, и гейши — Котоэ в их числе — стали по очереди выплывать в зал, неся перед собой лакированный поднос с чашечками для сакэ и палочками для еды. Каждая гейша опускала его на возвышение перед гостем, которого ей предстояло обслуживать весь вечер. Котоэ с облегчением обнаружила, что оказалась возле пожилого японца с добрым, слегка одутловатым лицом. С величайшим вниманием и осторожностью девушка принялась наливать ему сакэ — в этом самом сложнейшем церемониальном действе имеет значение буквально все: как брать у гостя чашки, сколько наливать, как поклониться... Японец заговорил на незнакомом языке со своим соседом — огромного роста европейцем, по-

вадками напоминавшем медведя, но при этом с серо-зелеными глазами и обаятельной улыбкой. Чужестранец ответил что-то раскатистым басом и указал на Котоэ. Японец-переводчик счел нужным сообщить девушке, что его сосед — мировая знаменитость, выдающийся певец из России; он впервые в Токио, и Котоэ чрезвычайно ему приглянулась. Котоэ отвесила вежливый поклон, одарив русского господина обворожительной улыбкой. Гости уже прилично выпили, атмосфера вечера потеплела и сделалась более непринужденной. Когда старшие гейши тронули струны сямисэнов и полились звуки песен, русский пришел в

«Вы понравились господину Саряпину, — переводил японец, — и он спрашивает, нельзя ли ему провести время с вами наедине»

необыкновенное возбуждение: одобрительно кивал, после каждой песни бурно аплодировал и что-то кричал на своем языке.

— А ты почему не поешь и не играешь? — перевел вопрос своего соседа гость.

— Сегодня не мой черед, — вежливо отозвалась Котоэ.

Вдруг русский вознамерился угостить ее сакэ; это было строго-настрога запрещено: за исключением особых случаев гейши не имели права ни пить, ни есть в присутствии гостей; если же те настаи-

вали на угощении, следовало искусно изобразить, что пьешь. Котоэ поднесла чашку с сакэ к губам и поставила обратно на поднос. Русский лукаво погрозил ей пальцем — он понял уловку. Котоэ в душе огорчилась: неужели она так бездарна? Не справиться с таким простым упражнением, которым в совершенстве владеют даже двенадцатилетние!

Тем временем русский господин поднялся и вышел на середину зала — вокруг зашушукались: гость собирается петь. Переводчик объявил, что великий певец Са-ря-пин — он запнулся на трудном имени — желает почтить присутствующих пением, настолько он очарован

атмосферой чайного домика и красотой японских девушек. Великан запел. Его сильный поразительной красоты бас полностью заполнил помещение. Шаляпин то и дело поглядывал на Котоэ, и она отвечала ему восторженной улыбкой — вот это голосище! Закончив петь, Шаляпин выпил еще одну порцию сакэ и напрямиком направился к Котоэ, поманив пальцем переводчика.

— Вы очень понравились господину Саряпину, — бесстрастно переводил японец, — и он спрашивает, нельзя ли ему провести время с вами наедине.

В Японии, объяснила Котоэ, гейши традиционно обслуживают посетителей в банях или чайных домиках

Котоэ ответила, что для этого нужно обратиться за разрешением к хозяйке чайного домика. Честно говоря, русский медведь девушке не приглянулся, но ей не о чем было волноваться: согласно правилам, юные гейши, которые, подобно шестнадцатилетней Котоэ, еще не прошли через обряд дефлорации, не могли быть представлены гостям для уединенного времяпрепровождения. Вскоре Шаляпин и переводчик снова уселись на подушки рядом с Котоэ. В помещении было дымно — сгорела уже пятая, а может, шестая курительная палочка. В чайных так считали время работы гейши — по количеству не часов, а сгоревших палочек.

— Увы, мне пообещали свидание с ва-

ми только через несколько месяцев, — грустно сообщил Котоэ Шаляпин и как-то шумно, безнадежно вздохнул.

Котоэ покорило такое грубое проявление чувств.

— Что ж, я приеду сюда еще только ради вас, — перевел японец. — Но хотя бы расскажите немного о себе. Говорят, не видеть гейш — значит не видеть Японии. Кто вы, откуда, кто ваши родители?

Котоэ с несколько заученной готовностью принялась удовлетворять любопытство иностранного гостя, забавно покачивая в такт словам пышно взбитой лакированной прической.

— Наверное, господину известно, что гейши — такая же неотъемлемая часть традиционной культуры Японии,

как чайная церемония. Особенного расцвета...

Шаляпин жестом остановил девушку.

— Да ты не лекцию читай, лучше про себя расскажи! — тут даже переводчик позволил себе улыбнуться.

Отец Котоэ, Асидо Хитоси, был заведующим небольшой больницы на окраине Токио, мать Джикка — из образованных, даже увлекалась идеями Хирацука Райтё. Шаляпин поднял брови, и японец что-то зашептал ему на ухо. Мать Котоэ посещала женское реальное училище и университет. Она предпочитала носить европейское платье и хорошо говорила по-английски. Конечно, Джикка была против того, чтобы дочь стала гейшей, но Котоэ поддерживали бабушка и отец.

Они считали, что в школе гейш девочек получают самое лучшее, разностороннее образование. Котоэ помнит, что впервые увидела таких женщин в раннем детстве — они были частыми пациентами отца. Хотя на прием к врачу гейши, как правило, приходили в простых кимоно, их выдавала сложная прическа и особая — плавная, неподражаемая походка. Однажды в доме Котоэ прохудилась фуру, и девочку повели в общественную баню, где она впервые и познакомилась с этими девушками. Там они красили ее своими белилами и помадой, наряжали, развлекали.... Ей безумно захотелось стать такой же, как они.

— При чем здесь бани? — недоумевал русский певец.

В Японии, объяснила Котоэ, гейши традиционно обслуживают посетителей в банях или в чайных домиках.

— Что же входит в их обязанности? — хитро прищурился Шаляпин.

— Угождать гостям, — простодушно ответила Котоэ. — Подавать еду, обслуживать, развлекать беседой, а главное — петь и танцевать.

После того как мать Котоэ бросила отца, уехав с заезжим коммерсантом, больше уже никто не препятствовал желанию девочки поступить в школу гейш. Отец и бабушка навели справки и отдали двенадцатилетнюю Котоэ в уважаемое закрытое заведение в «квартале цветов», где обучение все еще строилось на религиозно-философской системе дзёдо: школа гордилась тем, что свято хранит традиции аристократической Японии.

— Чему же там учат? — Котоэ уловила снисходительную насмешливость в интонации гостя.

— О, у нас много разных предметов, — вежливо, но односложно протянула в ответ девушка.

На прощание Шаляпин одарил ее многозначительным взглядом и поцеловал руку — она уже сталкивалась с подобным европейским обычаем и потому не удивилась.

Этот вечер скоро стерся из памяти Котоэ, так как все ее существо оказалось во власти одного всепоглощающего переживания — она влюбилась. Чувство обрушилось на нее так же неожиданно, как порой обрушивалась бамбуковая трость сэнсэя; но если в школе во время подобных экзерсисов ее задача заключалась в том, чтобы научиться изящно уврачиваться, то в реальной жизни этого сделать не удалось. Предметом страсти

Котоэ был Осима Ёсидзуми — 20-летний сын владельца кондитерской фабрики. Ёсидзуми принадлежал к весьма состоятельной семье, и отец юноши хвастался своей близостью к императорской династии. Осима отличался редкой изысканной красотой: светлая для японца кожа — персикового оттенка, влажные черные глаза с длинными девичьими ресницами, хрупкая фигура. Котоэ познакомилась с ним в гостях у подруги детства, которая, как и Осима, была студенткой Токийского университета. Одетая в европейское платье, с обычной гладкой прической, Котоэ ничем не походила на гейшу; Осима и в голову не пришло, что девушка имеет какое-то отношение к «кварталу цветов», и он ухаживал за ней церемонно, вежливо, как и подобает истинному аристократу ухаживать за девушкой из хорошей семьи.

До встречи с Осима Котоэ не помышляла ни о каком другом будущем, кроме

После того как мать Котоэ бросила отца, больше никто не препятствовал желанию девочки поступить в школу гейш

заранее известного во всех подробностях пути гейши. Со временем все они находили богатых покровителей, те обеспечивали им безбедную жизнь, иногда помогали купить чайный домик и приобрести статус «хозяйки». Разумеется, случалось, что девушки расторгали контракт с союзом гейш и выходили замуж, но в обществе по вполне понятным причинам к женщинам из «квартала цветов» относились настороженно, поэтому браки гейш с отпрысками из аристократических семейств случались крайне редко. Впрочем, Котоэ слышала разговоры подруг о том, что ученица школы гейш до прохождения обряда мидзуагэ — лишения невинности — считается морально незапятнанной, у нее есть шанс выйти замуж и попасть в приличное общество. Правда это или вымысел, Котоэ точно не знала, но в ней крепла уверенность: если она предложит свою невинность Осима, это даст надежду на продолжение их отношений, о чем она пылко мечтала.

Котоэ слонялась по школе, упорно размышляя, что же предпринять. Так просто Осима себя не предложишь — он первым должен проявить инициативу, а

для этого необходимо, чтобы их отношения прошли определенные этапы развития. Школу тоже не бросишь — это глупо, да и невозможно, и с этим пока придется считаться. Она попала в ситуацию, из которой нет выхода. Но разве напрасно ее учили в столь знаменитом заведении? В ее плоть и кровь вошло основное правило всей школьной премудрости — то, что называется основой «фу дзу инь», или женского развития: женщина никогда не должна изменять своей женской природе и реагировать на ситуацию прямо, ее главная сила — овладеть методикой уклонения, тогда избежишь любых ударов. Котоэ вспомнила, какие странные испытания ей пришлось выдержать при поступлении в школу. Например, одно состояло в том, чтобы сачком поймать бабочку в закрытом помещении. Котоэ видела, как перед ней несколько претенденток, вспотевших, красных и растрепанных, носи-

лись по комнате, неуклюже подпрыгивая и безуспешно стараясь накрыть сачком легкокрылую красавицу; некоторые девочки так сердились на неудачу, что швыряли сачки на пол и ревели. Повинуясь какому-то чувству, Котоэ, прежде чем приступить к поимке бабочки, смущенно обратилась к преподавателю: не объяснит ли он, как ей лучше действовать сачком? Позднее Котоэ узнала, что испытание прошли только те девочки, которые либо сумели под разными предлогами вообще отказаться от задания, либо, подобно Котоэ, догадались спросить совета. Смысл подобных экзаменов — распознать в малышах тех, кто способен овладеть «совершенным уклонением», и отсеять тех, кто проявляет склонность к агрессии и теряет голову от неудач.

«Лунным лучом просочиться сквозь сплошную стену» — так, согласно «фу дзу инь», понимала свою задачу Котоэ.

Торжественный момент обряда мидзуагэ, по всем признакам, приближался. Котоэ уже с блеском выдержала экзамены по общим предметам: чайной церемонии, икебана, искусству ведения беседы, навыкам макияжа и прически, япон-

В программу обучения гейш входили разные предметы: искусство чайной церемонии, икебаны, ведения беседы, макияжа, прически, каллиграфии и многое другое...

ской поэзии и литературе, каллиграфии; отличилась она и в испытаниях по специальности, а это было совсем не легко. Каждая ученица специализировалась либо в игре на сямисэне, либо в пении в жанре кийёмото, либо в танцах в стиле нисикава. Несколько лет назад Котоэ без колебаний выбрала для себя последнее: ее темперамент полнее всего выражался именно в этой танцевальной технике. Случалось, гейши достигали в исполнительских искусствах такого высокого мастерства, что могли соперничать с профессиональными актерами; бывало, иные меняли профессию и становились актрисами, потому что совмещать то и другое запрещалось. Разумеется, не менее тщательно будущие гейши овладевали искусством оболщания. Девушек учили разыгрывать эротические партии любой сложности, до поры не подвергая

опасности их девственность. Котоэ не раз доводилось слышать, что ее считают весьма многообещающей «владелицей фонтана в саду», мастера прочили ей в будущем самых богатых и влиятельных поклонников.

— Котоэ, у меня для тебя новость, — обратился к девушке один из мастеров, перехватив ее во дворе школы как раз в тот момент, когда она намеревалась улизнуть на свидание к Осима.

Котоэ поклонилась и послушно отправилась за учителем. В комнате мастера они уселись на вышитые подушки, и Котоэ вся обратилась в слух.

— Сегодня у тебя самый счастливый день. Вечером состоится твой мидзуагэ, и тебя пожелал лишить невинности, — мастер выждал эффектную паузу, — сам господин министр сельского хозяйства!

У Котоэ бешено заколотилось сердце.

Конечно, это большая честь, ведь любой ученице известно, что будущее и репутация гейши во многом зависят от того, кто совершит обряд дефлорации: если человек важный — министр, крупный промышленник, знатный аристократ, то это сулит гейше огромные возможности, если же первым окажется человек неприметный, то у начинающей мало шансов на успех. Значит, сегодня! «Интересно, как хоть выглядит этот министр? — лихорадочно размышляла Котоэ, стараясь сохранить на лице маску восторженной заинтересованности. Наверняка старик лет шестидесяти, не меньше, министры моложе не бывают!»

Вечером на званый ужин для сотрудников министерства сельского хозяйства в роскошном чайном домике Синкираку — одном из самых пышных по своему убранству — Котоэ явилась в длин-

ном кимоно из тончайшего шелка (поскольку стоял май, кимоно было расписано нежно-фиолетовыми ирисами); широкий парчовый пояс-оби придавал особое изящество ее движениям; высокая прическа симада, украшенная великолепными заколками, делала ее обладательницу похожей на куклу. Потратив четыре часа на свой туалет, Котоэ осталась вполне довольна — она выглядела как полагается: в меру оболстнительно, в меру отрешенно-недоступно. Если бы вся эта красота предназначалась Осима, сияющая радость на ее лице была бы искренней, а так она столь же искусственна, как и макияж.

Министр, сидящий на самой высокой подушке во главе гостей, выглядел удручающе. Зоркий глаз Котоэ сразу отметил дряблость и синюшный оттенок кожи лица и слегка подрагивающие руки. И эти руки станут первыми?.. Министр держался с гейшей учтиво, даже пожелал

Котоэ ничем не походила на гейшу. Осима и в голову не могло прийти, что она имеет какое-то отношение к «кварталу цветов»

выпить за ее здоровье. Потом он исчез. Спустя некоторое время хозяйка чайной Итимару, поманив Котоэ пальцем, повела за собой куда-то в глубь домика, в те помещения, о существовании которых Котоэ до сих пор не подозревала. Раздвинув сёдзи, хозяйка ввела Котоэ в очаровательную комнатку: на стенах висели дорогие старинные свитки, на полу стояла корзина с белыми камелиями, источавшими тонкий аромат свежести и надежд. За маленьким столиком в углу сидел старик министр в простом домашнем кимоно. Стараясь сохранять хладнокровие, Котоэ почтительно поклонилась. Министр взял ее за руку:

— У, какие ледяные пальчики! А мы, оказывается, застенчивы! — добродушно проскрипел старик. От него сильно пахло алкоголем. — Не бойся, все через это проходят.

— А я и не боюсь, — тихо ответила Котоэ, наблюдая, как министр развязывает свое кимоно и раздвигает дверь в другое помещение: там бумажный фонарь освещал красноватым светом широкое покрывало с рисунком из летящих ласточек

Котоэ начала с легкого эротического

массажа; она мяла рыхлую старческую спину в многочисленных бородавках долго, очень долго, затянув процедуру вопреки наставлениям, до тех пор пока не услышала то, на что так горячо надеялась — мерное посапывание, переходящее в свистящий храп. Министр спал!

...Открыв глаза, он увидел лежащую рядом обнаженную Котоэ; девушку немного знобило, на ее лице виднелись следы слез. Старик испуганно склонился над ней.

— Уже? — растерянно пробормотал он, потирая пальцами лоб в надежде прояснить память. — Это уже свершилось?

Вид Котоэ не оставлял сомнений. Министр явно был в затруднительном положении: ну и конфуз! Он что же, проделал все во сне? И не услышал криков, не заметил особого трепета невинного девичьего тела? Может быть, в его руки попал уже испорченный кем-то плод? Од-

нако чтобы сохранить достоинство, счел за лучшее оставить подозрения при себе.

— Котоэ Хитоси — один из самых драгоценных камней вашей коллекции, — сказал на прощание министр хозяйке чайного домика.

Котоэ ликовала: неплохое начало карьеры! Конечно, она обманула глупого старика, зато уберегла свою девственность для Осима. Обычно после обряда мидзуагэ новоиспеченным гейшам давали месяц отдыха и не вызывали к гостям. Значит, стоит торопиться: она предоставит Осима свою невинность в качестве доказательства любви, пустит в ход все свое искусство, чтобы привязать его к себе, и кто знает, что будет дальше... Теперь у Котоэ стало гораздо больше свободного времени, и свидания с Осима участились. Они ездили в Йокогаму лакомиться блюдами китайской кухни, заглядывали в знаменитый Дом с привидениями, ходили в театр Кабуки и в настоящую оперу. Родители Осима встречали девушку ласково и, судя по всему, ничего против нее не имели. Юноша смотрел на Котоэ все более пылким взглядом. Ей было приятно сознавать, что в его сердце разгорается настоящий пожар и он вот-вот

потеряет голову. В отличие от окружающих Осима угловатых застенчивых девушек Котоэ умела поддержать любой разговор, ее замечания не выглядели неуместными, а в движениях, жестах, голосе сквозило такое изящество, что позавидовала бы и принцесса.

Однажды Осима предложил Котоэ прокатиться на лодке по озеру в городском парке. Котоэ оделась в юбку, свитер и туфли на каблучках и выглядела настоящей леди. Отсутствие косметики делало ее лицо трогательно юным. Отплыв от берега, туда, где их уже не могли коснуться любопытные взгляды гуляющих, Осима бережно привлек девушку к себе и не слишком умело поцеловал. Она не сопротивлялась, но и не помогала юноше, боясь обнаружить свою искушенность. Впервые она ощутила, что несовершенство и неловкость способны пьянить куда сильнее... Стало жарко — и Осима попросил разрешения снять рубашку;

«Сегодня у тебя самый счастливый день, Котоэ, — начал мастер. — Тебя пожелал лишить невинности сам господин министр!»

скользнув взглядом по его гладкой груди и бедрам, Котоэ мгновенно оценила достоинство Осима — такие юноши способны доставить женщине огромное наслаждение. Он еще ближе привлек ее к себе, она с готовностью подалась — и тут прямо на них выплыла шумная флотилия гуляющих. Крики, шум, смех огласили безмолвную гладь озера. Осима испуганно отпрянул от девушки и смущенно шепнул:

— Через две недели у меня день рождения, — и со значением добавил: — тогда.

Котоэ радостно закивала.

...По всему было видно, что Котоэ готовили для высшего общества. В частности, ее обязали ускоренными темпами изучать английский, поскольку в Токио к середине 20-х годов появлялось все больше и больше иностранцев: Япония, еще недавно одна из самых закрытых и обособленных стран, активно привлекала капиталы для укрепления пошатнувшейся в результате войн и экономической депрессии промышленности. Посещать чайные домики в «квартале цветов» могли позволить себе только самые состоятельные люди в государстве: один

час с гейшей стоил пять тысяч иен. Просматривая списки гостей, посетивших район Ямасиро-тё за последние полгода, Котоэ не уставала удивляться, какого ранга господа бывали здесь: видные дипломаты, министры, премьер-министр, крупнейшие промышленники, английские и американские посольские служащие, политики, известные журналисты, писатели, художники, голливудские звезды. Судьба Японии, как ей сказал когда-то учитель, вершится в чайных...

— Котоэ, тебя вызывают в административный отдел!

Это еще зачем? Ведь у нее законные каникулы! Но с начальством не поспоришь: оказывается, приехал тот самый знаменитый русский бас — Шалапин и, заплатив сумасшедшие деньги, потребовал именно Котоэ на свой загородный прием. Она переполошилась — ведь у нее теперь нет презумпции неприкосновенности, а до дня рождения Осима ос-

тавались считанные дни. Сидя в нанятом лимузине вместе с двумя другими гейшами, Котоэ никак не могла решить, что же делать. Автомобиль остановился у роскошного особняка с поэтическим названием «Камелиева гора» — сюда после выступления в оперном театре должны доставить Шалапина и его свиту. Стоял июнь, вокруг пахло ирисами, глициниями, азалиями, пионами.

...Несколько часов спустя Котоэ лежала в своей комнате и служанка каждые четверть часа меняла ей холодные компрессы: у молодой гейши поднялась температура. Котоэ металась по кровати, терзаемая стыдом: как она могла так опозориться? Какая же она после этого гейша? Ее воспаленный мозг преследовала жуткая сцена: оставшись с Котоэ наедине, буквально не дав ей опомниться, Шалапин, прибывший, как говорили, после неудачного спектакля, накинулся на нее как изголодавшийся зверь — грубо, настойчиво; его вес был огромен. Никак не ожидая, что гейша может быть девственницей, он пришел от этого в раж. От боли и страха Котоэ забыла все, чему ее учили, и оказалась совершенно беспомощна. Теперь ей стало ясно, поче-

му для первого опыта гейша отдают солидному господину. Пока она рыдала, как обыкновенная поруганная девчонка, русский, опрокинув залпом несколько рюмок водки, на ломаном, но вполне понятном ей английском изливал душу: одну жену, балерину, он бросил в России, чего никогда себе не простит, другую привез в Париж — ведь на родине революция, черт знает что творится... А на что она, жена? Скандалит только. Вон у него денег куры не клюют, а счастья нет... Заметив, что Шалапин говорит сам с собой, Котоэ тихонько оделась и выскользнула из особняка. Поймала рикшу и — домой.

Рано утром в свой 21-й день рождения Осима, сын владельца кондитерской фабрики господин Ёсидзуми, получил от своей подруги письмо на дорожной рисовой бумаге с гербом. По мере чтения его красивые черные брови от недоумения все выше ползли вверх. Котоэ церемонно уведомляла, что они с Осима никогда больше не увидятся, потому что она... уходит в буддийский монастырь. До глубины души потрясенный юноша попросил родителей срочно отменить предстоящее торжество и весь день провел запершись в своей комнате; служанка уверяла, что он плакал. Примерно месяц спустя друзья угоревали бедного погруженного в меланхолию Осима, который все еще не мог прийти в себя, сходить на ежегодный турнир по сумо — хоть немного развеяться. Захватив по обычаю зеленые бобы с пивом, молодые люди протиснулись на свободные места. До Осима доносился голос комментатора:

— Обратите внимание на западную ложу! Сейчас в нее проходит мировая знаменитость, русский оперный бас Шалапин в сопровождении своей красавицы, одного из самых дорогих украшений наших чайных домиков — гейши Котоэ Хитоси! Не поленитесь рассмотреть ее изысканнейший наряд...

Осима внимательно поглядел на западную ложу и стал быстро протискиваться к выходу.

...О том, что богатый наследник фабриканта-кондитера Осима Ёсидзуми утонул в одном из озер в пригороде Токио, Котоэ узнала из газет. Кто-то из знакомых сказал ей, что Осима присутствовал на турнире по сумо, поэтому Котоэ не сомневалась, что он видел ее, узнал и обо всем догадался.

— Я ведь не обманула его, написав, что уйду в монастырь, — рыдала Котоэ на плече у своей задушевной подруги Са-

Теперь Котоэ числилась под особым покровительством Шалыпина: вновь оказавшись на гастролях в Токио, тот снова потребовал «свою» гейшу

наэ. — Я и уйду, вот только сделаю кое-что. Они еще меня вспомнят! — все повторяла она. Санаэ не могла взять в толк, кто такие «они» и чем, собственно, Котоэ «им» угрожает.

Теперь Котоэ числилась под особым покровительством Шалыпина: вновь оказавшись на гастролях в Токио, певец опять потребовал «свою» гейшу. На сей раз он пожелал поиграть с ней в подсвеченном фонтане, выложенном старинной мозаикой. Они уединились в одном из самых роскошных пригородных особняков Токио. Русский отвалил за него баснословные деньги — в щедрости ему и в самом деле не откажешь. Котоэ была спокойна и собрана. Больше русский варвар не застанет ее врасплох. Не

зря она слыла самой многообещающей ученицей. В школе мастер часто демонстрировал будущим гейшам обнаженного юношу, на спине, груди и ногах которого тушью были нарисованы крохотные иероглифы — точки эротического возбуждения. Эти так называемые «солнечные точки» — источник власти искусной женщины над мужчиной. То, что Котоэ собиралась сделать, считалось очень серьезным проступком, нарушением нравственного кодекса гейши. За это ей могло грозить строгое наказание, но для Котоэ это не имело значения.

Русский уже плескался в фонтане и звал ее. Котоэ подошла, картинным жестом распустила оби, скинула кимоно, на мгновение дав ему полюбоваться своим

гладким, гибким, как ивовый прут, телом и чуть кривоватыми ногами — предметом особой гордости японок: ведь прямые, как барабанные палочки, ноги европейских девушек так уродливы! Наконец, наклонившись над певцом, Котоэ отточенным жестом расположила пальцы на его теле и медленными вибрирующими движениями стала массировать отдельные точки. Все. Он обезврежен. Ее нежные ласки лишили его потенции как минимум на неделю.

— Извини, я что-то устал. Пою, видно, слишком много, нервы сдают. — Шалыпин беспомощно развел большими руками, виновато глядя на Котоэ.

Он торопливо оделся, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

В исполнительских искусствах воспитанницы школ гейш порой достигали такого уровня мастерства, что вполне могли соперничать с профессиональными актрисами

— Станцуй хоть для меня, что ли!

Просьба была столь неожиданной, что Котоэ повиновалась.

Шаляпин затянул какую-то протяжную песню, и она стала под нее медленно танцевать. Их настроения вдруг совпали, и этот импровизированный дуэт

показался обоим мучительно-сладостным. Он пел еще и еще, а она, послушная его голосу, пластично двигалась.

Впрочем, поскольку Котоэ не удалось «развеселить» русского гостя ни завтра, ни на следующий день, он впал в раздражение, нажаловался администрации,

что ему попалась неумелая гейша, и потребовал замены. Начальство выразило недоумение и решило присмотреться к Котоэ.

С ней и впрямь творились странные вещи. В душе девушки словно что-то сломалось.